

ГДЕ ЖИВУТ ОХОТНИКИ ЗА СЕРДЦАМИ

Гордон и Дибров, как Ленский и Онегин

Вадим САМОДУРОВ

Применительно к телевидению моей любимой темой является ночной эфир. А деятельность на поприще телекритики заставляет приглядываться и сравнивать, сравнивать и рассуждать, так что сравнительная характеристика, любимый жанр советских педагогов, как-то незаметно стала и моим любимым жанром. Тем более что на информационных полях и в эфирном пространстве галкаются порой противоположности, чье единство и борьба заслуживают того, чтобы вспомнить пушкинские строки: «Они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» Примером такого драматического сосуществования в эфире были и остаются Светлана Сорокина и Татьяна Миткова. Любимый мною ночной эфир к двум этим в высшей степени достойным особам, слава богу, отношения не имеет. Там есть своя «сладкая парочка»: Александр Гордон и Дмитрий Дибров.

Ночной эфир — пространство, населенное самыми колоритными телевизионны-

ми персонажами, место, где, как в рентгеновском кабинете, можно пронаблюдать устройство личности со всеми имеющимися изъянами и патологиями от расширенного тщеславия до болезненной неуверенности. Короче говоря, ночной эфир — это благоуханный бальзам для измученных нарзаном телевизионного мейнстрима телекритиков, заработавших не одну язву от вымученного схиства по поводу и без. Здесь вам не женские истории и обывательские страдания на бытовой почве, телевидение для ценителей стиля и формы... Еще «полуночник» Владимир Молчанов на заре перестройки понял, что после двенадцати ночи у экрана сидят либо законченные кретины, которые традиционные телевизионные формы вроде новостей и проблемных репортажей не воспринимают, либо интеллектуалы, которые, в отличие от кретин, делают это вполне осознанно. И Молчанов был прав, показывая по ночам сюжеты про художников, рисующих картины спермой, или гурманов, поедающих мозг из открытой черепной коробки живой обезьяны. Это «письмо» (сейчас говорят «месидж») доходило до адресата. Ночной зритель, он ведь даже на митингах всегда легко отличим по неувловимому блеску в глазах, по скользкой походке, по этакому демоническому похотыванию. Ночные зрители про политику ничего знать не знали, на митинги ходили только для того, чтобы из толпы не выделяться. Их всегда другое интересовало. Такое, чего даже Шура Невзоров не показывал. Например, особенности цветовосприятия.

Наши герои в те лихие и романтические годы еще не владели сердцами тех, кто днем стоял на митингах, а ночью смотрел Молчанова. Но они уже хотели этого. А потому на митингах не мерзли, а толкались под волшебной дверью, за которой находился чудесный театр.

Впрочем, мы сильно забежали вперед. Все мы родом из детства. Даже телеведущие.

Дмитрий Дибров родился в центральной городской больнице города Ростова-на-Дону 14 ноября 1959 года. Как гласит легенда, Дима Дибров родился на кровати, подаренной супругой Черчилля. Мисс Черчилль объезжала города стран-победительниц и раздавала подарки, в том числе и эту кровать — жесткое панцирное ложе, скрипящее с английским акцентом. Кто знает, как сильно влияют на нас вещи, в окружении которых мы рождаемся. Возможно, не будь этой кровати, блистать бы Диме не на экране, а в какой-нибудь ростовской средней школе на уроках русского языка и литературы. Дорожка-то была прямая... Отец Диброва воз-

главлял отделение журналистики на филологическом факультете университета. Впрочем, голубой огонек экрана уже в детстве подмигивал Диме по-родственному. Папа вел на местном телевидении программу «Говорите по-русски» и считался в городе телезвездой. Мама была домохозяйкой, пока не пришлось идти зарабатывать деньги на жизнь. Отец оставил семью.

Родители Саши Гордона тоже развелись очень рано. Что это — просто совпадение? Или опыты, бросающие сыновей в детстве, обрекают их на мучительные поиски своего места в жизни, в которой, даже по достижениям успеха, славы, самореализации, всегда остается какая-то пустота, какое-то неуничтожимое ощущение одиночества.

Отец — это сказка. Если она уходит раньше, чем ребенок перестает верить в Деда Мороза, в его глазах появляется что-то, что делает похожими Гордона и Диброва. И неважно, где ты родился, в Ростове или в Москве.

Гордон, конечно же, стопроцентный москвич, хоть и родился в Обнинске. Когда Саше было три года, семья переехала в Москву. Район ЗИЛа, заводская слободка. Потом Чертаново. Мама работала в больнице. Отчим — в ЖЭКе. Там, в ЖЭКе, всегда были рейки, бруски и красная ткань для транспарантов и лозунгов. Из всего этого добра отчим сделал Саше ширму, чтобы тот мог устраивать дома кукольные представления.

Воспоминания о чужом детстве. Я просто вижу, как Дима Дибров играл с пробирками и химическими весами в лаборатории, где работала мама и куда брала сына, когда не с кем было его оставить.

Тут даже не надо откровенных разговоров с нашими героями. Театр Саши Гордона продолжается до сих пор, даже когда на его красно-черной сцене говорят о цветовосприятии или либидо. А Дибров из любой виртуальной студии норовит сделать лабораторию, где можно анатомировать человеческую сущность («Антропология»), что-то смешивать, выводить новые формулы («Ночная смена»). «Роль интонации в выразительных средствах ведущего телепередачи» — тема дибровского диплома. Это не байка, это тоже лаборатория... И черт с ним, что вместо белого халата костюм за четыре шутки зеленых, и пальцы пахнут не сулевой и серой, а деньгами, кожей, дорогим парфюмом... Это тоже химия. Деньги пахнут, горят, взрываются и обжигают почище кислоты и пороха. Никакие перчатки, халаты и маски не помогут.

Они оба это знают. Сейчас каждый из них может прийти к хозяину любого телеканала и назвать свою цену. СВОЮ цену.

А ведь когда-то Дмитрий Дибров работал корреспондентом подмосковной газеты «Призыв». А потом была школа отдела информации «Московского комсомольца» и школа ТАССа. «Баловень судьбы» прошел путь газетного поденщика от начала до конца.

Гордон искал счастья в далекой Америке.

Работал электриком. До сих пор не может есть курицу, потому что питался куриным мясом (самым дешевым в Штатах) три года, пока не стал осветителем в одной американской телекомпании. Еще бы пару-тройку лет, и Гордон состоялся бы как журналист (репортер) в Америке. Те же два-три года у

Диброва могли сделать его редактором отдела. И тогда... Мы не знаем, что тогда, потому что «состоявшийся» Гордон вернулся в неблагоприятную, бесперспективную Россию. А «устроенный» Дибров пошел с голыми руками покорять телевизор. Все начал с нуля, снимал во «Взгляде» репортажи.

Тогда было время экспериментов, авантюры. На телевидении делались головокружительные карьеры. Любимов, Листьев, Киселев, Сорокина, Доренко, Легат, Эрнст. Это сейчас кажется, что тогда довольно было наглости да авантюризма, чтобы влезть в экран. А у тех, у кого этого не было, было другое — связи. Смешно обвинять самолет в чрезмерной наглости и связях с небом. Это может делать только тот, кто не имеет представления об устройстве самолета. Те, кто знает телевидение не только с внешней стороны экрана, смеются, слыша про связи, про то, кто кого продвинул... Связи могут помочь попасть на телевидение. Чтобы удержаться в эфире, нужно немного больше. Крылья? Талант? Желание? Не просто желание — страсть. И неважно, на что направлена, на деньги ли, на успех, на творчество. Десять лет в эфире. За это время и президенты меняются. А Дибров с Гордоном сидят на своих высоких постах властителей дум и возмутителей спокойствия. Их программы идут практически в одно и то же время. И это, граждане, невыносимая издержка звериной телевизионной конкуренции, которая заставляет зрителя делать выбор. Вроде бы все просто: один закрыт и холоден, как консервная банка, другой — парень — душа нараспашку, один — сухой аскет, появляющийся в эфире уже который месяц в одной и той же рубашке, другой — гурман, сибарит, эстет и стилига, один потягивает в эфире коньяк и дымит черно-белым дымом ситары, другой витийствует на фоне нереально-виртуально-голубого неба. Но как выбрать, какую кнопку на пульте нажать, если в студии у Диброва — Олег Табаков или Псой Короленко, а в студии у Гордона — два профессора, которые рассказывают про новые исследования Туринской плащаницы?

Можно чуть-чуть больше любить Ленского или Онегина. Но сердце-то надо отдать кому-то одному. Такая психодрама.

Ночной эфир — путь тех, для кого телевидение не просто работа. Гордон ругается матом, когда слышит телевизионных людей, рассуждающих о том, что смотреть телевизор — плохой тон, плохой вкус, вообще плохо. «Моя программа — это как умная книга на ночь», — говорит Гордон. Для него телевидение — это чистая страница, это сцена, на которой можно творить. У Диброва через всю жизнь проходит поиск того, что он сам называет Шамбалой. И его успех в качестве телевизионного гуру — не что иное, как результат этих поисков.

Глубокой ночью, когда гаснут экраны, а расстрвоженное сердце не может сделать выбор и не дает заснуть, можно увидеть, как где-то в эфире по узкой лунной дорожке идет, о чем-то беседуя, две фигуры.